

Несъ дружбѣ плачущей, стелющейся и унылой
Во шмѣ полунощи, надъ тихую могилу,

И небеса на плодѣ Цефизовыхъ садовъ
Благословеніе сулили;

И дружбы дерево отъ вѣтра и громовъ
И зноя освѣтили.

Творецъ, Который все хранишь,
Кто злыхъ и добрыхъ дѣлъ Свидѣтель,
Забудешь ли когда достойно наградишь
Признательность и добродѣтель!

— ийшій —

Опытность.

Кто съ минушу пережешъ
Хладнымъ разумомъ любовь,
Бремя тягостныхъ оковъ
Ей на крылья не возложешъ.
Пусть не смѣйся, не рѣзвись,
Съ строгой мудросшью дружись;
Но съ разсудкомъ вновь заступишь,
Хоть не радъ, но дверь отворишь,
Какъ проказливый Эротъ
Постучится у воротъ.

Испыталъ я самъ собою
Истину сихъ правыхъ словъ.
„Добрый пушь! прости любовь!
„За богинею слѣпою,
„Не за Хлоей, полечу,
„Щастье, щастье ухватчу!“
Мнилъ я въ гордости безумной.
Вдругъ услышалъ хохотъ шумный,

Оглянулся . . . и Эрошъ
Постучался у ворошъ.

Нѣшъ! мнѣ, видно, не придется
Съ богомъ симъ въ размолвкѣ жишъ,
И покамѣстъ жизни нишъ
Старой Паркой *тамъ* прядешся,
Пусть владѣетъ мною ошъ!
Веселишься — мой законъ.
Смерть откроетъ гробъ ужасный,
Пошемяютъ взоры ясны,
И не спукнется Эрошъ
У могильныхъ ужъ ворошъ!

1 . . . 14 — 16.

